

Boriss Cilevičs

28 February 2021

В прошлом веке, в самом конце 70-х меня, молодого аспиранта, послали в командировку в Новочеркасск. Тогда в тренде была разработка высокоскоростного наземного транспорта на магнитном подвесе (ВЧНТ, в английской терминологии MagLev). Ведущим разработчиком был ВЭЛНИИ (НИИ электровозостроения) при НЭВЗе - Новочеркасском электровозостроительном заводе, одном из гигантов советской промышленности. Наша кафедра электродинамики ЛГУ специализировалась на математическом моделировании, по т.н. хоздоговору мы считали для конструкторов разные модели магнитного подвеса.

Надо было сдать промежуточный отчёт. Это был формальный этап, всё было обговорено по телефону. Валдис, руководитель группы, приболел, а я был молод, лёгок на подъём и жаден до впечатлений, так что охотно согласился слетать в Новочеркасск. Рейс до Ростова задержали, потом долго добирался до вокзала, искал нужную электричку, в общем, добрался до места уже к концу рабочего дня. Идти в НИИ было уже поздно, решил, что сдам отчёт завтра, и отправился прямо в гостиницу. Заводская гостиница была скорее общежитием. В комнате четыре койки, соседи, видимо, ещё не вернулись с завода. Бросил сумку под свободную кровать и пошёл смотреть город.

Было лето, жара к вечеру начала спадать, но горячий, горьковато-пряный аромат южных степных трав становился только сильнее. Главное, что отличает наш умеренно-северный регион от юга – это запахи. Ассоциации у каждого свои, у меня – с детством, путешествиями, романтикой...

Молодой организм настоятельно требовал калорий. Нашёл рабочую столовую (НЭВЗ – градообразующее предприятие, он всюду, как Большой Брат, о котором я тогда не слышал). Не очень изысканно, но тогда меня это никак не волновало, главное, много и горячо.

Гуляя по городу, наткнулся на летний кинотеатр под открытым небом, афиша звала на “Великолепную семёрку”, я этого фильма до того не смотрел. Изображение на огромном экране было бледновато, звук хриловат. Зато степные ароматы воссоздавали атмосферу мексиканских пампасов. А сидевшая рядом компания реагировала очень эмоционально, подпрыгивая на покосившейся скамейке, когда, например, Крис-Бриннер говорит Вину-Маккуину: подожди, пусть выстрелит... В итоге получалось настоящее 5D, с обонятельными и осязательными составляющими. В гостиницу вернулся поздно. Соседи, двое инженеров из Харькова, похожие друг на друга, как братья – полненькие, лысоватые, улыбочивые, уже заканчивали культурный отдых. В бутылке оставалось совсем чуть-чуть, и я тактично отказался от приглашения присоединиться.

Третий сосед пришёл, когда все уже легли и потушили свет. Наткнулся в темноте на стул, выругался вполголоса, кто-то из харьковчан что-то пошутил. Все трое были в стадии “А поговорить?”.

Третий был уже в годах, работал директором одного из заводских пансионатов где-то на Чёрном море - большой человек по тем временам, когда в летнее время любой скворечник в курортной зоне был нарасхват. Приехал решать какие-то свои вопросы, встретился с друзьями, посидели, выпили... Слово за слово, и ветеран стал вспоминать свою трудовую биографию.

Ещё совсем молодым, в середине тридцатых, он начал работать в лагерной охране. К делу относился ответственно, был на хорошем счету, быстро рос, в войну стал начальником женского лагеря. Не помню, где именно, очень далеко, где очень холодно. Нёс службу до 1953-го, потом перевёлся на материк, работал "в кадрах", начальником первого отдела. А поближе к пенсии удалось получить назначение на Чёрное море.

К тому времени я уже прочитал "Один день Ивана Денисовича" (в универовской читалке был этот номер "Нового мира"), уважал шестидесятников, но, конечно, не читал ни "Архипелаг Гулаг", ни Евгению Гинзбург, ни Дору Штурман, и представление о сталинских лагерях у меня было самое приблизительное.

Подробно пересказывать услышанное не берусь. Слишком много лет прошло, и слишком многое хочется списать на то, что недослышал, не так понял, перепутал, забылось...

Харьковчане относились к рассказчику с явным уважением, обращались к нему на "вы", а он к ним на "ты" – не столько из-за разницы в возрасте, сколько, по давней советской традиции, по иерархии.

Ветеран рассказывал о своей работе с явной гордостью за хорошо сделанное дело. Беспорядков у него в лагере не бывало, он заранее определял потенциальных бузотёрок и принимал меры. Самое надёжное, по его словам – "заделать такой ребёночка", пока беременная, нужен глаз да глаз, а как ребёнок родился – всё, считай, шёлковая. "Приятное с полезным", хихикнул кто-то из харьковчан. Другой спросил – а если старая? Ну, объяснил ветеран, если разговора по-доброму не понимает, то по-другому действовать приходится. Бабы, конечно, выносливее мужиков, но при правильной организации работ и они быстро доходят. И какие вопросы – человек в возрасте, чай, не на курорте, конечно, потери неизбежны. Тут главное – всё правильно спланировать, тогда и спокойно будет, и показатели хорошие.

Уже далеко за полночь один харьковчанин спросил: а что, и правда все они врагами были? Или бывали и ошибки? Ветеран ответил не сразу. "Наверно, бывали. Но это не мне решать, кому положено, решали. Каждый должен был своё дело делать. Особенно когда война, мы все должны были на победу работать, каждый на своём месте. Бойцы на фронте, я - на своём, зэчки – на своём. А если они не хотят свои обязанности выполнять, значит – враги. И моё дело - врага уничтожить".

Соседи угомонились, а я так и не смог заснуть до утра. Привычная жизнь вдруг повернулась страшной стороной, о существовании которой я, в принципе, знал, но как-то считал её давно прошедшим трагическим прошлым. Оказалось – нет, она тут, с нами, сладко похрапывает на соседней койке и вполне комфортно себя чувствует...

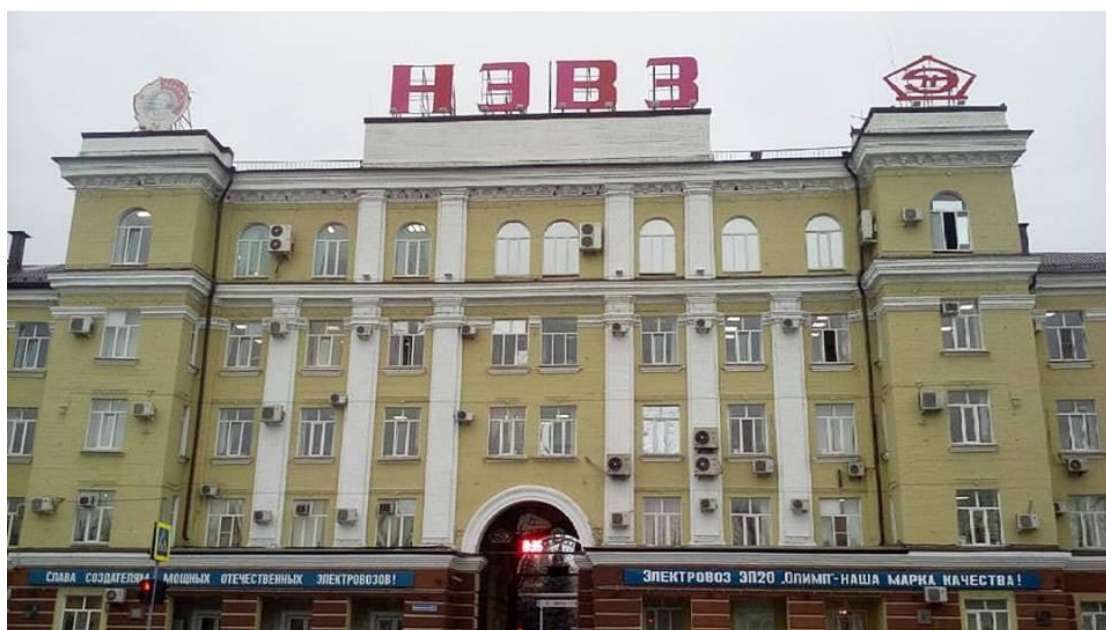
Встал рано, пока соседи ещё спали, умылся, взял сумку и поехал в НИИ. Ветеран спал, отвернувшись к стене, и я так и не увидел его лица. Только пиджак с объёмистой наградной колодкой, аккуратно висящий на спинке стула.

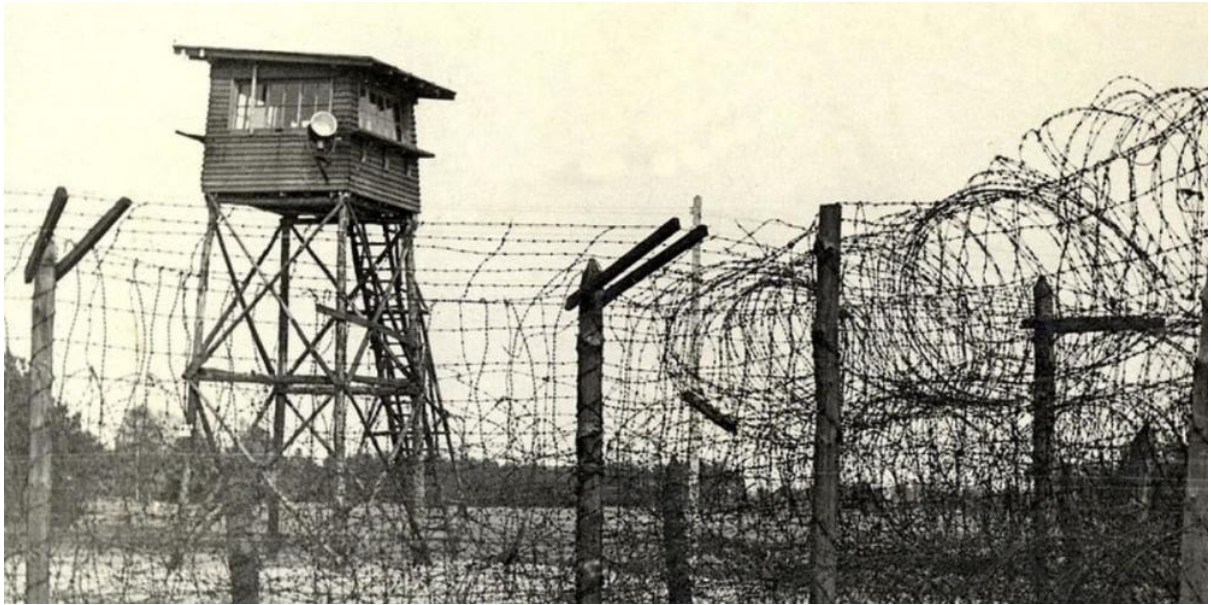
Отчёт сдал за десять минут, отдал конструкторам бутылку бальзама, распрощался и двинул на вокзал. И тем же вечером уже пил вино с соседями в своей аспирантской общаге на Горького.

Когда во второй половине 80-х я читал Льва Разгона, Варлама Шаламова, Георгия Владимова, почему-то не вспоминал своего новочеркасского соседа. Возможно, перестроечная откровенность воспринималась как нечто вроде крепкого саркофага, из которого обыденные кошмары прошлого уже не вырвутся.

А вот сейчас вспоминаю того ветерана всё чаще. Когда узнаю его интонации в постах и комментах в соцсетях, в роликах на ютубе – мол, когда кругом враги, неважно, что ты думаешь, каждый обязан на своём месте защищать родину! Насилуй, убивай, если те, кому положено, сказали, что так надо...

И понимаю, что никакого саркофага нет, наше прошлое остаётся с нами. Да и - прошлое ли?...

<https://www.facebook.com/boriss.cilevics/posts/1602448433275177>